

ПРОБЛЕМА СТАБИЛЬНОСТИ СИРИИ В XXI ВЕКЕ

Наукові праці МАУП, 2008, вип. 1(17), с. 155–161

Проблема сохранения политической стабильности является одной из важнейших для Сирии, мощной региональной державы Востока. Важнейшую роль при решении этой проблемы играют вопросы взаимодействия этносов и конфессий государства.

XX век ознаменовался для Сирии многими событиями, среди которых следует выделить получение политической независимости, череду военных переворотов и глубокие социально-экономические преобразования в различных сферах государства. Однако, вероятно, самым значимым является возрождение духа Омейядов, который заключается в реставрации былого могущества Дамаска.

Несмотря на все политические и социально-экономические потрясения второй половины прошлого столетия, Сирия сумела в полной мере реализовать идею своего величия, превратившись в мощную региональную державу Ближнего Востока. В настоящее время нельзя представить себе урегулирование какой-либо региональной проблемы без доброй воли на то со стороны дамаского лидера. Однако наступающий XXI век таит большие опасности для могущества Сирии и ее будущего.

Одна из таких опасностей кроется в этноконфессиональном составе населения этой страны. Признавая неоспоримые социально-экономические и политические достижения Сирии в годы независимости, важно указать на то, что на пороге нового тысячелетия страна оказалась отягощенной грузом множества новых проблем практически во всех сферах жизнедеятельности государства и общества. Наиболее острой из них является проблема резкого экономического спада.

На рубеже 80-90-х годов руководство Сирийской Арабской Республики (САР), столкнувшись с огромными трудностями в экономике, пошло на либерализацию экономической жизни, которая стала объективно необходимым условием выхо-

да страны из социально-экономического кризиса [6, 138; 8, 19]. Однако непродолжительный экономический подъем сменился очередным затяжным спадом. Начиная с 1995 г. в стране отмечается устойчивая тенденция к снижению темпов экономического роста. Более того, в 1998 г. этот показатель приобрел отрицательную динамику, составив 1,5 %. В 1999 г. данная тенденция сохранилась, чему в немалой степени способствовала обрушившаяся на страну засуха. Кроме того, по некоторым оценкам, уже через несколько лет Сирия будет вынуждена возобновить импорт нефти, что окажет крайне негативное влияние на экономику страны [22].

Существует несколько причин, объясняющих столь сложное экономическое положение, из которых, пожалуй, главным является тот факт, что политика либерализации экономической жизни, на которую так рассчитывало политическое руководство САР, изначально не была способна принести долгосрочные дивиденды в условиях политической системы, не терпящей какого-либо реформирования.

В феврале 1999 г. Хафез Асад уже в пятый раз подряд подтвердил свои полномочия президента САР на очередной семилетний срок. Вероятно, столь длительное и бессменное нахождение на вершине власти в стране лидера Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) можно было бы отнести к числу достижений, свидетельствующих о стабильности в сирийском обществе и государстве.

Однако этот феномен несет в себе и ряд сложностей, прежде всего связанных с проблемой ответственности власти в стране. В 1999 г. президен-

ту САР Х. Асаду исполнилось 70 лет. Десять лет назад он перенес инфаркт, который мог привести к смерти. Спустя полтора года Х. Асад перенес новый сердечный приступ, который приковал его к постели на несколько месяцев. Кроме того, он страдает сахарным диабетом. В настоящее время сирийский президент, не потерявший остроту ума, находится под постоянным медицинским контролем [12, 247; 21; 25].

Стареющий Х. Асад сделал ставку на своего старшего сына Басиля, которого готовил в качестве своего преемника у власти, но в начале 1994 г. Басиль погиб в авткатастрофе близ Дамасского аэропорта, что стало настоящим ударом для Х. Асада. Вслед за этим неофициально на роль будущего преемника своего отца стал выдвигаться его второй сын — 35-летний Башар, врач-офтальмолог, долгое время проживший в Лондоне. Однако он не обладает харизмой своего старшего брата и не располагает достаточной поддержкой в армейских кругах. Кроме того, сирийское законодательство запрещает выдвижение кандидата на пост президента страны людей моложе 40 лет. Тем не менее, существуют зримые свидетельства подготовки Башара к тому, чтобы он впоследствии заменил отца на вершине “политического Олимпа” в Сирии.

Напомним, что в конце 1994 г. Башар с успехом окончил военную академию в Хомсе. Более того, он постепенно набирает политический опыт государственного управления, контролируя сирийское присутствие в Ливане. В последнее время Башар все чаще выполняет международные поручения отца. Вероятно, Х. Асад стремится заранее представить своего преемника мировым и региональным лидерам, что может содействовать его успешному вхождению в президентство. Напомним, что в июле 1999 г. Башар Асад уже посетил с визитом Саудовскую Аравию, где встретился с королем Фахдом, а затем провел в Аммане переговоры с иорданским королем Абдаллой II. 8 августа 1999 г. Башар в сопровождении главы разведслужбы Сирии генерала Гази Кенаана нанес визит в Ливан, где встретился с президентом этой страны Э. Лахудом и обсудил с ним общую стратегию в диалоге с Израилем по мирному урегулированию в регионе.

Одновременно с этим Х. Асад стремится устранить с политической арены тех, кто мог бы хоть как-то осложнить плавный переход власти от отца к сыну. В первую очередь это касается армии. Так, недавно был уволен начальник Генерального штаба сирийской армии Хикмад

Шакаб, который якобы позволил себе публично усомниться в стратегических способностях Асада-младшего [4; 7; 10; 24]. Тем не менее, Башар Асад продолжает пока оставаться новичком в большой политике.

Вместе с тем нельзя исключить развитие событий по такому сценарию, когда после ухода с политической арены нынешнего президента САР Х. Асада в борьбу за власть в стране включатся представители сирийского истеблишмента, долгие годы верой и правдой служившие Х. Асаду, состарившиеся вместе с ним, но не потерявшие вкуса к еще большей власти. При этом было бы также неправомерным игнорировать возможность прихода к власти представителей среднего звена армейского офицерского корпуса, осуществляющих непосредственное командование частями и подразделениями сирийских вооруженных сил. Все перечисленные сценарии возможной борьбы за власть имеют право на существование уже в силу того, что в этом арабском государстве отсутствует отработанная и опробованная система бесконфликтной смены государственного руководства. При этом со значительной степенью вероятности можно предположить, что на первый план начнет выдвигаться проблема этноконфессионального соперничества внутри сирийского общества.

По оценке на 1990 г., в Сирии проживало около 12 млн человек [20, XIX]. Подобно многим другим арабским странам, современная Сирия обладает достаточно сложным этноконфессиональным составом своего населения. Народы, населяющие Сирию, образуют этноконфессиональные сообщества, среди которых следует особо выделить алавитов, друзов, исмаилитов и др. В настоящее время на территории Сирии проживают следующие этнические группы: собственно сирийцы, удельный вес которых в общей численности населения страны составляет 65 %; алавиты — 12 %; курды — 8 %; друзы — 3 %; палестинцы — 3 %; армяне — 2 %; исмаилиты и черкесы — 2 %, а также евреи и туркмены [11, 15; 20, XIX, 90]. Что касается конфессиональных групп населения Сирии (по ситуации на конец 80-х годов), то они представлены суннитами — 76 % (в частности, собственно сирийцы, курды, палестинцы, а также черкесы и туркмены), алавитами (шиитская секта) — 12 %, христианами — 8 % (в их числе собственно сирийцы, армяне и палестинцы), друзами (шиитская секта) — 3 %, исмаилитами (шиитская секта), которые вместе с алавитами и друзами составляют более 15 % всего населения страны, а также представлены незначительной иудейской

общиной, объединяющей всех евреев, проживающих в стране [20, XIX, 90].

Этноконфессиональный фактор всегда играл весомую роль в сирийском обществе. Однако XX век кардинально трансформировал действие этого фактора, существенно изменив баланс сил и роли различных этноконфессиональных общин как в жизни сирийского общества, так и в функционировании государственных институтов страны. Так, будет интересным отметить, что в период вхождения Сирии в состав Османской империи доминирующую роль в стране играли сунниты, которые традиционно занимали ведущее место в структуре общества, составляя большинство населения страны. Позднее, в условиях французского мандата на Сирию, мусульмане-сунниты сохранили свою традиционно лидирующую роль в сирийском обществе. Вместе с тем стала отчетливо проявляться тенденция значительного усиления влияния христианского элемента в государстве, что в какой-то степени было характерно и для последнего периода нахождения Сирии под властью турков-османов.

Однако после вывода французских войск из Сирии в апреле 1946 г. ситуация в стране стала коренным образом меняться, в борьбу за власть включались все новые силы. Особенно четко это прослеживается в период военных переворотов в Сирии в конце 40-х — начале 50-х годов, который ознаменовался прежде всего борьбой двух этноконфессиональных групп, суннитов и друзов, посягнувших на незыблемость доминирующих позиций крупнейшей этноконфессиональной общины страны. При этом следует обратить особое внимание на весьма знаменательный факт, который заключается в том, что, по существу, за всеми военными переворотами того периода стояло еще одно этноконфессиональное меньшинство — курды, которым удалось значительно сократить влияние друзов в армии, прежде всего в офицерском корпусе. Тем самым возникли условия, при которых, в частности, открылись новые возможности для успешной военной карьеры алавитов. Параллельно заметим, что в это время этноконфессиональные меньшинства не были очень заметны в политической сфере. Однако их позиции стали стремительно укрепляться, особенно в сирийской партии Баас.

Важно отметить, что создание Объединенной Арабской Республики (ОАР) в результате слияния Сирии и Египта (1958–1961 гг.) весьма благоприятно сказалось на продвижении представителей этнонациональных меньшинств Сирии к

вершинам власти. В условиях роспуска всех политических партий и организаций на территории Сирии в период существования ОАР организационные структуры ПАСВ в провинции Латакия, в которой традиционно доминировали алавиты, сохранили свою дееспособность и к моменту развала египетско-сирийского союза 28 сентября 1961 г. оставались одной из немногих политических сил, реально способных вести борьбу за власть. Эта тенденция стала очевидной после революции 8 марта 1963 г., которая была совершена баасистами, насеристами и юнионистами и в результате которой власть в стране перешла к ПАСВ [5, 159; 11, 41–42; 23, 37, 41–42, 127].

С этого момента резко возросла роль этноконфессиональных меньшинств, прежде всего алавитов, а также друзов и исмаилитов, выступающих в качестве их основных, но младших партнеров. При этом обращает на себя внимание усиление алавитского влияния в Военном комитете ПАСВ, из 14 членов которого пятеро представляли алавитскую общину, в том числе Мухаммед Умран, Салах Джадид и Хафез Асад. После революции 1963 г. в стране начался процесс быстрой замены офицеров-суннитов на офицеров-алавитов, прежде всего на высшем уровне. Так, С. Джадид стал начальником генерального штаба сирийской армии (август 1963 — сентябрь 1965 г.), М. Умран — командиром 70-й бронетанковой бригады, дислоцированной к югу от Дамаска, и т. д. [3; 11, 21, 42; 23, 37, 42, 129]. Одновременно усиливалось влияние представителей этнонациональных меньшинств, прежде всего все тех же алавитов, в руководстве ПАСВ в целом. Несмотря на межфракционную борьбу в правящей ПАСВ, упомянутая выше тенденция не только не ослабевала, но, наоборот, усиливалась.

Окончательно это приобрело завершенные формы 13 ноября 1970 г., когда к власти в Сирии в результате очередного военного переворота, получившего в истории название “исправительного движения” в ПАСВ, пришел алавит Хафез Асад, ставший генеральным секретарем ПАСВ. 22 февраля 1971 г. он был избран президентом страны, объединив в своем лице также посты главнокомандующего вооруженными силами и генерального секретаря ПАСВ, а в последующем и председателя Национального прогрессивного фронта [3, 13; 11, 88; 20, XIX; 23, 42]. Главной опорой режима Х.Асада стала армия. Именно в это время резко усилился процесс внедрения алавитского элемента в офицерский корпус сирийской армии и сил безопасности [5, 176; 20, 3].

В этих условиях алавиты фактически монополизировали власть в стране. Особая роль алавитской общины в истории сирийского государства последних десятилетий требует более пристального внимания к их истории и догматам их веры.

Этноконфессиональная мусульманская община нусайритов (более позднее их название — алавиты) образовалась в X в. в среде “крайних” шиитов Северной Сирии. Вероучение алавитов основано на исмаилизме с элементами гностического христианства и астральных культов [2, 194; 23, 20–22, 36]. Эманацией божества считается неразрывная триада Смысл (ма’на) — Имя (исм) — Врата (баб). Она ассоциируется с Луной, Солнцем и небесами и периодически воплощается в пророках, последними из которых были Мухаммед, Али и Салман аль-Фариси. Они верят в переселение душ (танассух) мужчин. По степени посвящения разделяются на ‘амма (“простые”) и хасса (“особые”). Алавиты отвергают многие предписания ислама, при обрядах используют вино, однако имеют пищевые запреты (свинина, зайчатина, угорь). Почитают Ису (Иисуса Христа) и ряд христианских “святых”, отмечают некоторые христианские праздники. В ритуальном отношении алавиты делятся на подгруппы: хайдария; шамалия или шамсия с центром в Киликии; киблия или камария с центром в Кардахе (Сирия); гаибия. Все эти отличия от ортодоксального суннитского ислама объясняют ту точку зрения, согласно которой иногда на Ближнем Востоке алавитов лишь формально относят к ответвлению от шиизма, как, впрочем, и к исламу в целом [13, 15].

Алавиты традиционно представлены сельским населением, хотя в последние десятилетия наметилось достаточно сильное стремление к их миграции в города. До последнего времени алавитские районы считались наиболее бедными и неразвитыми в Сирии в силу их географической изолированности, обусловленной горным рельефом местности в зонах их проживания. Сирийские алавиты продолжают сохранять родоплеменные связи, хотя их роль в последние десятилетия несколько ослабла. Как правило, выделяют четыре конфедерации алавитских племен (по степени убывания их численности): кальбия, хаятин, хаддадин и матаура. В силу различных причин внутри алавитской общины прослеживаются противоречия между шейхами религиозными, являющимися вершиной социальной структуры алавитской мусульманской общины, и племенны-

ми, между знатными фамилиями и крестьянами. Еще в колониальную эпоху отдельные представители алавитов благодаря индивидуальным усилиям пытались сделать карьеру на государственной или военной службе. Однако этот процесс резко активизировался после получения Сирией независимости в апреле 1946 г. Именно в этот период, как уже отмечалось выше, наметилась устойчивая тенденция к вступлению части алавитской молодежи в политические партии и организации. При этом, достигая определенного уровня, алавиты стремились усилить свое влияние в этих структурах за счет окружения себя своими соплеменниками, т. е. опираясь на внутриобщинную (или родоплеменную) солидарность [23, 19, 22–26, 28, 35–36].

Сирия традиционно считается страной, население которой исповедует достаточно умеренный ислам, которому не свойственны какие-либо радикальные проявления. Более того, сирийское общество в целом характеризуется традиционно прочными светскими воззрениями [13, 13]. Однако нарушение веками складывавшегося баланса интересов различных этноконфессиональных общин страны привело к появлению в Сирии мощного национального движения, выступавшего под исламскими лозунгами и боровшегося за восстановление ведущей роли суннитского большинства. Возникновение этого исламского оппозиционного движения, таившего в себе реальную угрозу правящему режиму, основу которого составили этноконфессиональные меньшинства шиитского толка, главным образом алавиты, пришлось на вторую половину 70-х годов прошлого века.

Таким образом, движение отражало скрытый конфликт внутри сирийского общества, сутью которого стали противоречия между подчиненным положением суннитского большинства страны и политическим доминированием в ней этнонациональных меньшинств, представленных алавитами, друзами, исмаилитами (все три группы относятся к шиитской ветви ислама) и частично христианами. Даже учитывая характерную для сирийского общества толерантность, было бы опасной ошибкой игнорировать определенные этноконфессиональные интересы. Кроме того, в 1976 г. Сирия открыто вмешалась во внутривосточный конфликт на стороне правохристианских маронитских формирований против ливанских мусульман и палестинцев. Подобные действия сирийского руководства вызвали недовольство не только некоторых политических сил страны, но даже части вооруженных сил, о чем свидетель-

ствуют аресты среди армейских офицеров в тот период.

Однако, бесспорно, главную опасность для официального Дамаска представляла исламская оппозиция, которая не только предлагала альтернативную ПАСВ модель развития сирийского государства, но и реально угрожала доминированию представителей алавитской общины в нем. Стоит напомнить, что в апреле 1964 г. в городе Хама, где были особенно сильны позиции экстремистской организации “Братья-мусульмане”, уже вспыхивал антибаасистский мятеж, который был жестоко подавлен [2, 34]. В конце 70-х — начале 80-х годов основу оппозиционного ПАСВ исламского движения вновь составили “Братья-мусульмане”. Пик активности исламской оппозиции пришелся на 1979–1982 гг., когда различные религиозно-экстремистские течения страны создали “Объединенный исламский фронт” (ОИФ) (конец 1980 г.), в который вошли наиболее воинственное крыло организации “Братья-мусульмане”, возглавлявшееся Аднаном Саад ад-Дином Укле, а также более умеренная консервативная исламская оппозиционная группировка под руководством Сайда Хаввы и шейха Али Байнуни. Возникновение ОИФ поставило страну на грань гражданской войны.

10 октября 1980 г. было опубликовано первое официальное обращение ОИФ, подписанное его лидером шейхом А. Байнуни. В соответствии с текстом этого заявления в состав Фронта вошли: организация “Братья-мусульмане”, Партия исламского освобождения и ряд суфийских группировок, требования которых сводились к созданию исламского государства на территории Сирии и введению шариата в качестве единственного закона страны. В январе 1981 г. ОИФ опубликовал свои основополагающие документы: Манифест и Программу исламской революции в Сирии. Говоря об исламской оппозиции того периода, важно обратить внимание на отсутствие в ее рядах сплоченности и единства. В частности, следует отметить, что среди “братьев-мусульман” произошел раскол, так как лидер одной из фракций этой организации Иссам аль-Аттар под нажимом влиятельной дамаской буржуазии занял выжидательную позицию и устранился от активного участия в деятельности ОИФ. Однако это не уберегло его от гнева сирийского режима, и впоследствии он был вынужден эмигрировать в Европу. Кроме того, принципиально важно указать на некоторые трения между руководителями ОИФ (в частности, Саидом Хаввой) и лидерами исламской революции в Иране [1; 5, 172,

178; 6, 136; 8, 15; 9, 320, 324; 20, XIII, 3–8, 18–21]. Следует также отметить, что наряду с ОИФ на территории Сирии действовали и другие оппозиционные режиму и организационно самостоятельные от Объединенного исламского фронта исламские группировки, в частности Фронт освобождения Сирии [16].

На протяжении нескольких лет в Сирии происходили ожесточенные вооруженные столкновения между полицией и силами безопасности, с одной стороны, и исламистами — с другой. О масштабах этих событий свидетельствует тот факт, что в их эпицентре оказались такие города страны, как Дамаск, Алеппо, Латакия, Хомс, Хама и др. [14; 15; 17] Однако поражение оппозиционного ПАСВ исламского движения было предопределено, даже несмотря на то, что оно якобы опиралось на поддержку со стороны Иордании и ООП. Так, официальный Дамаск обвинил Иорданию в предоставлении исламистам своей территории для создания тренировочных баз, что чуть было не привело к вооруженному конфликту между двумя этими соседними государствами в ноябре-декабре 1980 г. [16].

Конец открытому противостоянию между суннитским ОИФ и режимом Х. Асада положили события в Хаме в 1982 г., когда мятежный город был окружен и практически разрушен артиллерией и танками правительственных войск, а жертвами политики “умиротворения” стали, по различным оценкам, от 5 до 10 тыс. человек [12, 248]. Однако на протяжении еще некоторого времени после событий в Хаме в различных районах Сирии отмечались отдельные столкновения между силами безопасности страны и вооруженными группами мусульман-суннитов, как это произошло в Хомсе в начале июля 1983 г. [18]. Более того, в июле 1986 г. в некоторых зарубежных СМИ сообщалось об аресте 16 сирийских офицеров-суннитов, обвиненных в сотрудничестве с “Братьями-мусульманами” и еще одной суннитской подпольной группировкой “Организация исламского освобождения”, якобы финансировавшейся ООП [19]. Тем не менее, разгромив исламскую оппозицию, официальный Дамаск пошел на постепенную нормализацию отношений с некоторыми ее видными деятелями. В январе 1985 г. МВД Сирии амнистировало членов организации “Борющийся авангард”, возглавлявшейся Аднаном Саад ад-Дином Укле и сложившей оружие. В соответствии с этим актом многие члены упомянутой организации были выпущены из тюрем, часть бежавших из страны исламистов вернулась в Сирию [20, 36].

Однако большинство руководителей разрозненной исламской оппозиции, включая “Братья-мусульмане”, остались за рубежом, продолжив борьбу, в основном пропагандистскую, против баасистского режима.

К концу 80-х годов в стране насчитывалось до 12 нелегальных оппозиционных ПАСВ политических партий и организаций, включая ассоциацию “Братьев-мусульман”, подозревавшуюся в получении поддержки со стороны Ирака, ООП и некоторых кругов Иордании. Однако в своем большинстве современная оппозиция правлению Х. Асада придерживается секуляристских, левых или националистических позиций [20, VII, 34–35].

Относительно спокойная и стабильная политическая ситуация в Сирии не должна создавать иллюзию полного мира в сирийском обществе. “Мягкий авторитаризм” президента Х. Асада, подкрепленный его бесспорным авторитетом внутри страны и за ее пределами, является в настоящее время, пожалуй, единственным фактором, препятствующим возникновению в стране крупномасштабного этноконфессионального конфликта. При этом важно отметить, что у нынешнего режима в Сирии сохраняется шанс избежать этого в том случае, если ему удастся решить триединую задачу, вставшую перед обществом и государством на пороге нового столетия и заключающуюся в плавном протекании бесконфликтного процесса передачи власти и выработке новой экономической модели развития. При этом было бы ошибочным акцентировать чрезмерно большое внимание на проблеме демократизации внутренней жизни в Сирии как третьей задаче в современном развитии Сирии. Вероятно, проблема развития демократии в развивающихся странах, на чем настаивает Запад, выглядит не столь бесперспективной, если платой за это должна стать стабильность не только в отдельно взятой стране, например в Сирии, но и во всем Ближневосточном регионе, занимающем важное место в системе глобальной безопасности.

Литература

1. Ахундова Н. Ч. Об организации “Исламский фронт” в Сирии // Проблемы современной советской арабистики. — Ереван, 1988. — С. 82–85.
2. Ислам: Энцикл. словарь. — М., 1991.
3. Медведко Л. Счастливая звезда Хафеза Асада // Азия и Африка сегодня. — 1996. — № 4. — С. 11.
4. Независимая газ. — 1999. — 10 авг.
5. Нинушин А. О. Императивы авторитаризма и демократизация в политической жизни Сирии // Арабские страны. Проблемы социально-экономического и общественно-политического развития. — М., 1995.
6. Сулейман Абу Дияб. Опыт ПАСВ в организации политического пространства Сирии // Арабские страны. Проблемы социально-экономического и общественно-политического развития. — М., 1995.
7. Фигуры и лица // Независимая газ. — 1999. — № 6, 13 июля. — С. 7.
8. Филоник А. Курс остается прежним // Азия и Африка сегодня. — 1996. — № 4.
9. Филоник А. Хафез Асад: призвание — гражданин // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. — М., 1997.
10. Contemporary Rev. — 1999. — Vol. 274, № 1599. — P. 171.
11. Dam Nikolaos van. The Struggle for Power in Syria. — N. Y., 1979.
12. Drysdale Alasdair. The Succession Question in Syria // The Middle East Journ. (MEJ). — 1985. — Vol. 39, № 2.
13. Humphreys Stephen. Islam and Political Values in Saudi Arabia, Egypt and Syria // MEJ (Washington). — 1979. — Vol. 33, № 1.
14. MEJ (Washington). — 1979. — Vol. 33, № 4. — P. 491.
15. MEJ (Washington). — 1980. — Vol. 34, № 1. — P. 59.
16. MEJ (Washington). — 1981. — Vol. 35, № 2. — P. 226–227.
17. MEJ (Washington). — 1982. — Vol. 36, № 4/ — P. 580.
18. MEJ (Washington). — 1983. — Vol. 37, № 4. — P. 671.
19. MEJ (Washington). — 1986, Vol. 40, № 4. — P. 716.
20. Syria Unmasked: The Suppression of Human Rights by the Asad Regime. — New Haven, 1991.
21. The Economist. — 1995. — Vol. 334, № 7896/ — P. 45.
22. The Economist. — 1999. — Vol. 351, № 8116. — P. 44.
23. The Political Role of Minority Groups in the Middle East. — N. Y., 1979.
24. US News & World Report. — 1999. — Vol. 126, № 5. — P. 42.
25. US News & World Report. — 1999. — Vol. 126, № 7. — P. 42.

Етноконфесіональний фактор завжди відігравав важливу роль у сирійському суспільстві. XX століття кардинально трансформувало дію цього фактора. Відносна стабільність сучасної Сирії не скасовує погрози виникнення великомасштабного етноконфесіонального конфлікту, проте у сирійського режиму залишається шанс уникнути його, вирішуючи завдання, поставлені новим сторіччям.

Этноконфессиональный фактор всегда играл важную роль в сирийском обществе. XX век кардинально трансформировал действие этого фактора. Относительная стабильность современной Сирии не отменяет угрозы возникновения крупномасштабного этноконфессионального конфликта, однако у сирийского режима остается шанс избежать его, решая задачи, поставленные новым столетием.

The ethnic factor always played important role in the syrian society. XX century cardinally transformed its role. Relative stability of modern Syria does not cancel threat of occurrence of the large-scale ethnic conflict, however the syrian mode still has chance to avoid it, solving the problems of new century.

Получена 30 августа 2007 г.